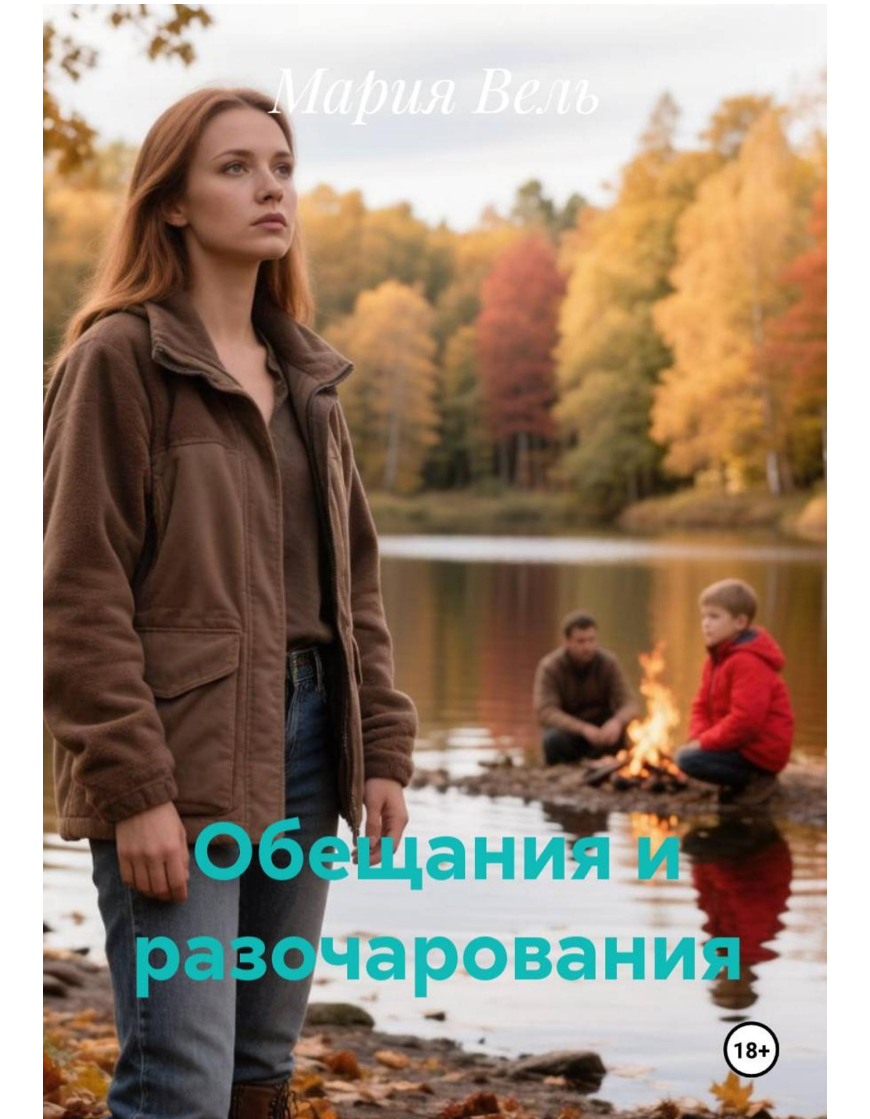

A woman with long reddish-brown hair, wearing a brown jacket and blue jeans, stands in the foreground looking off to the side. In the background, a man and a child are sitting by a campfire on a rocky shore next to a calm lake. The trees in the background have vibrant autumn foliage in shades of yellow, orange, and red. The scene is reflected in the water.

Мария Вель

**Обещания и
разочарования**

18+

Мария Вель

Обещания и разочарования

<https://litres.ru/74126267>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Дарья сбежала от Егора, выбрав покой и предсказуемость. Теперь ей тридцать, за плечами череда выверенных решений, а впереди тихая жизнь по чужому чертежу. Но одна случайная встреча у лесного озера рушит всё: Егор вернулся в родной городок с десятилетним сыном Ильей после тяжелого развода.

Их назначают наставниками летнего школьного похода. Десять дней в одной палатке, общие костры, шум дождя по брезенту и теснота лесной сторожки заставляют бывших влюбленных заново учиться дышать рядом. Мать Дарьи твердит о горькой доле мачехи и сломанной судьбе, разум требует держаться подальше, но сердце тянется к этому уставшему мужчине и его мальчишке.

Это история о медленном сближении сквозь старые обиды и новые страхи. О том, как трудно впустить в свою ладонь чужую руку, когда память помнит боль разлуки. Сможет ли Дарья переступить через гнет прошлого ради права на свое счастье, или страх повторить судьбу матери навсегда оставит их по разные стороны костра?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Встреча у воды	8
Глава 2. Совет да любовь	14
Глава 3. Приказ директора	20
Глава 4. Сбор пожитков	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Вель

Обещания и разочарования

Пролог

Август две тысячи четырнадцатого года выдался душным. Днем поселок плавился под солнцем, но к ночи с реки наконец потянуло свежестью. Дарья куталась в старую шерстяную кофту Егора, которая пахла костром, сухой травой и чем-то неуловимо родным.

Они сидели на разохшихся деревянных ступенях ее дачного крыльца. До московского поезда оставалось пять часов. Не уезжай, в сотый раз повторил Егор. Его голос звучал глухо, словно слова давались ему с трудом. Поступишь в здешний институт. Я на лесопилке уже договорился, возьмут подсобником. Снимем избу у бабы Вали. Будем жить. Его план казался простым до слез. Таким же простым, как узор трещин на старых перилах. Егорушка, прекрати, она качнула головой, стараясь отогнать дурманивший морок его близости. Это все пустое. Что мы будем есть? Воздухом сыт не станешь. Мне нужно в столицу, там будущее. Там хоть какая-то опора под ногами. Опора? он горько усмехнулся, поворачиваясь к ней. В лунном свете шрам над его бровью белел тонкой нитью. А я тебе разве не подмога? Он придвинулся бли-

же. Доски крыльца тихо скрипнули под его весом. Пространство между ними схлопнулось, стало тесным и горячим. Егор протянул руку и осторожно взял ее ладонь, лежащую на колене. Его пальцы были шершавыми, горячими, испещренными мелкими царапинами от работы в саду. Он медленно провел большим пальцем по линии ее жизни.

Дарья замерла, боясь спугнуть этот миг. Сердце пропустило удар. Господи, если он сейчас меня коснется, я никуда не поеду.

Егор будто услышал эту безмолвную мольбу. Он наклонился еще ниже, сокращая последние пяди. Его дыхание обожгло кожу на шее. И тут случилось то самое касание. Потянувшись поправить выбившуюся прядь ее волос, он задел тыльной стороной кисти открытую полоску кожи на ее предплечье. Легчайшее, случайное прикосновение. Но Дарью прошило таким мощным разрядом тока, что перед глазами поплыли темные круги. Она дернулась назад, едва не свалившись со ступеней, и судорожно одернула рукав кофты, пряча ставшую вдруг постыдной наготу.

Прости, хрипло выдохнул Егор, сразу убрав руки за спину. Он понял свою ошибку. Понял, что силой взять ее нельзя, она улетит напуганной птицей. Испугал? Нет... просто поздно, солгала она, кутаясь в шерсть плотнее, хотя ночь была теплой. Мне пора собирать вещи. Она встала слишком резко. Ноги плохо слушались. Зайдя в дом, она плотно притворила за собой сетчатую дверь, отсекая себя от его взгляда.

Ночь прошла в лихорадочном полусне. Собирая старый чемодан, она трижды подходила к окну. Силуэт Егора, сгорбившегося на крыльце, темнел на фоне сереющего неба. Он так и не ушел домой. В четыре утра, когда первый предрасветный холод пополз по полу, решение созрело окончательно. Разум победил сердце с оглушительным треском. Любовь это прекрасно, но голодать ради нее она не собиралась. Мать всю жизнь тянула их одна после того, как отец сбежал «за лучшей долей», и Дарья видела, во что превращает женщину вечная нужда. Повторять этот путь она не желала.

Она написала записку на обороте старого конверта. Руки дрожали, простой карандаш крошился. Всего два слова: «Так надо». Без извинений, без обещаний писать. Оставлять ложную надежду было бы жестоко.

Записка легла ровно посередине кухонного стола, прижатая граненым стаканом. Чемодан стоял у порога. Дарья подошла к двери Егора, которую он никогда не запирает. Прислонилась лбом к теплему дереву, впитывая запахи чужого дома. Хотелось войти, лечь поверх лоскутного одеяла, уткнуться носом в изгиб его шеи и проспать так целую вечность. Черт возьми, почему ноги сами несут прочь?

Но время истекало. Поезд ждать не станет. Она вышла через заднюю калитку, чтобы не разбудить соседского пса. Прощмыгнула мимо его тени на крыльце, миновала сонные заборы и заросли малинника. Станционный фонарь показался ей маяком спасения.

Когда утренняя электричка тронулась с места, увозя ее грохочущие железные колеса прочь от тихого поселка, Дарья смотрела в окно, пока слезы не стерли пейзаж. Она запретила себе оборачиваться.

Спустя десять лет память услужливо подбрасывала лишь общие черты: густые волосы ежиком, привычку морщить переносицу, когда он о чем-то глубоко задумывался, и тот самый след молнии над бровью. Но тело помнило иное. Оно помнило внезапную глухоту от нахлынувших чувств, тепло чужой ладони и ту самую искру, проскочившую от случайного касания к локтевому сгибу.

Поезд набрал ход, стуча колесами по стыкам рельсов. Впереди ждала столица, гранитные набережные и выверенная до мелочей жизнь без права на ошибку.

А на старом дачном столе остался пустой стакан и клочок бумаги с двумя словами. Когда взошедшее солнце лизнуло край столешницы, оно осветило комнату, где больше никого не было.

Глава 1. Встреча у воды

Десять лет срок достаточный, чтобы выучить наизусть карту чужого города, сменить три съемные комнаты и убедить себя, что корни нужны только сорной траве. Дарья убеждала себя в этом всю дорогу от столицы до родного городка, пока пригородная электричка гремела по заржавевшим путям.

Ключ от родительской дачи лежал в кармане легкой куртки, впиваясь металлом в бедро сквозь ткань джинсов. Дом встретил ее запахом сырой пыли, увядающих яблок и старого дерева. Она распахнула окна настежь, пытаясь выгнать духоту прошлого, но воздух стоял плотной стеной. Остаться внутри было невыносимо. Схватив эмалированный ковш, она пошла к лесу.

Тропинка вилась между старых сосен, цепляясь корнями за стоптанную землю. Лесной ключ бил из-под замшелого валуна, образуя крошечное озерцо с водой такой прозрачной, что виден был каждый камушек на дне. Место их тайных встреч. Место, которое она пыталась выжать из памяти вместе со слезами.

Дарья опустилась на колени прямо на влажный мох. Наклонилась к самой воде, собираясь зачерпнуть влаги ледяной ладонью. И тут же замерла. С другого края заводи, там, где склон уходил вниз, слышался шум. На поляну вышли

двое. Мужчина вел за руку мальчика лет десяти. Они остановились у камня. Мужчина снял с плеча брезентовую сумку, а мальчик принялся расшнуровывать кроссовки, морщась от попавших внутрь мелких веток.

Сердце пропустило удар. Черт возьми, почему именно сегодня? Она знала этот разворот широких плеч еще до того, как он повернулся. Узнала бы его и через сто лет слепоты. Егор постарел ровно на десять лет, которые прошли для них порознь. В уголках глаз залегли жесткие складки, щетина на щеках тронута ранней проседью, но тело осталось прежним поджарым, сильным, опасным в своей спокойной уверенности. Он расстегнул верхние пуговицы рубахи, открывая ключицы, покрытые золотистым загаром. Па, вода холодная? хрипло спросил мальчик, переминаясь босыми ногами по песку. Голос ребенка вырвал Дарью из оцепенения. Мальчик. Конечно. Развод. Тот самый итог, о котором судачили все соседки на лавке, когда она приезжала хоронить отца два года назад. Значит, вот оно как обернулось. Не сказка при луне, а суровая быль с чужими детьми и разбитым сердцем.

Егор потрогал воду запястьем. Теплая, ныряй, бросил он сыну, даже не глядя на кусты, где пряталась Дарья. Мальчик радостно взвизгнул и шагнул в озерцо. Сделал второй шаг, третий... и вдруг коротко вскрикнул, оседая набок. Вода вспенилась красным. Илья! голос Егора утратил всякую ленцу. Он оказался рядом в два прыжка, скинув обувь прямо в грязь. Подхватил сына на руки. Мальчик плакал, прижи-

мая к груди окровавленную ступню. Тихо, тихо, герой, сейчас поглядим, пробормотал Егор, опускаясь на одно колено прямо на мокрый берег.

Он бережно уложил Илью на свой брезентовый плащ. Склонился над ногой, раздвигая маленькие, побелевшие от боли пальцы. Осколок бутылочного дна засел глубоко, чуть ниже основания пальцев. Кровь текла густо, пачкая светлый песок. Дарья сглотнула ком в горле. Ей нужно было уйти. Незаметно отступить в чащу, пока они поглощены бедой. Но ноги словно вросли в мох. От запаха озона, речной тины и тяжелого аромата мужского тела кружилась голова. Точь-в-точь как в юности, когда земля уходила из-под ног от одного его взгляда. Воздуха вдруг стало мало в просторном утреннем лесу.

Егор действовал быстро и четко. Достал из сумки флягу, промыл рану. Порывшись в карманах, извлек старый кожаный кисет. Ловко орудуя какой-то щепкой, подцепил стекло и вытянул осколок. Бросил его далеко в кусты. Терпи, казак, выдохнул он мальчику в макушку, отрывая длинный лоскут от собственной нательной рубахи. Сейчас перевяжем туго, и до сторожки доковыляем. Там аптечка есть. Илья перестал всхлипывать, лишь судорожно втягивал воздух сквозь сжатые зубы, во все глаза глядя на отца. В этом взгляде плескалось абсолютное, безграничное доверие.

Закончив с бинтом, Егор сел на пятки, тяжело переводя дыхание. Только теперь он поднял голову. Его взгляд скольз-

нул по прибрежным зарослям и наткнулся на нее. Взгляд прошел сквозь пустоту. Оценил цвет куртки, очертания фигуры, собранные в небрежный узел волосы. Мозг считывал данные: женщина, незнакомая, местная вряд ли одета слишком чисто для дачницы. Уголок его рта едва заметно дернулся в подобии вежливого удивления. Доброе утро, произнес он ровным, совершенно чужим голосом. Порезались стеклом. Ничего страшного, просто напасть мелкая. Вы здешняя?

Внутри Дарьи что-то оборвалось с глухим звоном. Напускное равнодушие ударило сильнее пощечины. Десять лет. Три тысячи шестьсот пятьдесят дней ожидания хоть какого-нибудь знака. А он смотрит на нее так, будто она случайная прохожая, зашедшая спросить дорогу к станции. Господи, да отвернись ты! Дай мне сбежать, пока я не сгорела со стыда. Но вместо бегства она сделала шаг вперед, выходя из тени орешника. Сухие ветки хрустнули под подошвой кроссовок. Егор моргнул. Его зрачки расширились, фокусируясь заново. Взгляд метнулся от ее лица к родинке над губой, затем к линии подбородка. Секунда. Две. Долгая, вязкая тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы и далеким стуком дятла.

Этот миг заминки убил остатки ее гордости быстрее любой прямой насмешки. Если бы он усмехнулся, если бы съязвил «Явилась, не запылилась», ей было бы легче выстроить стену. Но эта секундная пауза, это мучительное узнавание

бывшего хозяина положения, который внезапно понял, кто перед ним стоит, обнажило всё. Он узнал ее. И испугался этого узнавания не меньше, чем она сама.

Его плечи напряглись. Руки, только что такие бережные с сыном, сжались в кулаки на коленях. Лицо закаменело, превращаясь в непроницаемую маску. Дарья, наконец выдохнул он. Слово прозвучало хрипло, словно наждаком провели по гортани. Здравствуй, Егор, ответила она. Голос предательски дрогнул на согласных, выдавая десятилетнюю засуху. Я смотрю, твоя первая помощь всё так же хороша. Это мой сын, Илья, сказал он тем же деревянным тоном, проигнорировав шпильку. Положил тяжелую ладонь на плечо мальчика, словно пряча его. Мы здесь живем неподалеку. Гуляли. Приятно встретить старых знакомых, она кивнула, чувствуя, как немеют кончики пальцев. Мне пора. Родители оставили дом без надзора, течет крыша.

Она развернулась, молясь всем богам, чтобы спина не выдала дрожи. Каждый шаг по мягкому мху давался с трудом, словно она шла против сильного течения. Позади заворочался Илья: Пап, а тетя знакомая? У нее лицо грустное. Просто старая знакомая, отрезал Егор. Помолчи, кровь опять пойдет.

Дарья вышла на утоптанную тропу и почти побежала, не разбирая дороги. Ветви хлестали по лицу, обрывая листья. Легкие горели. Лишь оказавшись за скрипучим забором своей дачи, привалившись спиной к нагретым солнцем доскам

веранды, она позволила себе сделать глубокий вдох. Руки сами собой легли на живот, бессознательно защищая то место, где десять лет назад жила глупая надежда. Господи, его руки стали еще крупнее. И жестче. Такие руки уже ничего не обещают легким касанием. Они умеют только латать раны после настоящей беды.

Глава 2. Совет да любовь

К полудню небо затянуло низкими серыми облаками, и в старом доме стало совсем зябко. Дарья затопила печь. Сухие березовые поленья занялись быстро, загудели ровно и сытно, прогоняя из углов сырость запустения. Тепло медленно поползло по половицам, но не могло согреть ледяной ком, застрявший под ложечкой после утренней встречи.

Она долго ходила кругами вокруг старого настенного аппарата с тяжелой эбонитовой трубкой. Пальцы сами набрали до боли знакомый номер. Гудки казались бесконечными. Слушаю, голос матери звучал сухо, как осенняя листва. Мам, это я. Доехала хорошо, печку растопила... Видела я, как ты доехала, перебила мать без всякого вступления. Сорока на хвосте принесла. Егорова родня видела тебя у ключа. Стояла, глаз не сводила, ровно привороженная. Совсем стыд растеряла? Дарья стиснула трубку так, что побелели костяшки. Мама, мы просто столкнулись. Случайно. Я шла за водой. В десять утра? У лесного ручья? в голосе матери зазвенела старая, годами отточенная сталь. Ты мне тут зубы не заговаривай. Десять лет по столицам скиталась, карьеру строила, а теперь опять за старое? На те же грабли? При чем здесь грабли? Мы просто поздоровались. У него сын растет, похож на него страшно. Последняя фраза вырвалась случайно, жалкая попытка перевести разговор в безопасное русло. Она удари-

ла по самому больному. Мать тяжело вздохнула в мембрану. Послышался звук чиркнувшей о коробок спички закуривала свою вечную «Приму». Вот именно, выдохнула она вместе с дымом. Сын. Чужой приплод. Дарья, опомнись. Тебе тридцать лет, пора бы ума набраться. Хочешь повторить мой путь? Вспомни своего отца-кобеля. Как он нам пел про вечную любовь, пока к молодой не сбежал? А потом поминай как звали. Егор твой такой же. Поматросил, брюхатую оставил и был таков. Надзор им нужен, мужикам этим, а не твоя слепая вера. Он тебе душу вымотает и снова бросит. Кому ты нужна будешь? Стареющая дева с довеском?

Слова хлестали наотмашь, били точно в цель, потому что попадали в самый старый детский страх. Страх остаться одной, как осталась мать сильная, гордая, но выжженная изнутри пустотой. Дарья зажмурилась. Гнев поднимался горячей волной, хотелось бросить трубку прямо в черные пазы аппарата, оборвать эту пытку раз и навсегда. Черт возьми, почему ее колкости всегда бьют ниже пояса? Не смей так говорить о моем отце! И о Егоре тоже! выпалила она. Ты его даже не видела! Мне видеть не надо, я жизнь прожила! отрезала мать. Разум включи хоть раз в жизни, доченька. Чувствами сыт не будешь. Подумай об итогах, прежде чем штаны ему стирать побежишь. Всё, мне некогда, бельишко кипятить пора. Щелчок отбоя прозвучал как приговор. Короткие гудки били по натянутым нервам.

Дарья медленно опустила трубку на рычаг. Руки мелко

дрожали. Мать посеяла зерно сомнения, и оно уже дало ядовитые ростки. А вдруг правы соседки? Вдруг та легкость, с которой он утром смотрел сквозь нее, и есть настоящая суть Егора? Просто животное, ищущее тепла для себя и своего сына. Использованный материал выбрасывают без сожалений. Чтобы сбросить липкую паутину разговора, она накинула куртку и вышла на улицу. До магазина нужно было пройти три кривых переулка. Местная лавка закрывалась через полчаса. Внутри пахло хозяйственным мылом, черствым хлебом и дешевыми карамельками. За прилавком дремала тетя Зина.

Дарья взяла плетеную корзину и пошла вдоль стеллажей, механически складывая макароны, соль, чай и свечи. Проходя мимо морозного ларя, она остановилась, разглядывая упаковки пельменей. Нужно купить Илье что-то сладкое, мысленно одернула она себя. Нет, нельзя. Это будет выглядеть как попытка сближения. Возьми себе зефир и иди домой.

Она резко развернулась, чтобы выйти из узкого прохода между бакалеей и консервами, и налетела на кого-то твердого, как скала. Столкновение вышло сокрушительным. Короткий вскрик застрял в горле. Горячий кофе из большого картонного стакана плеснул ей на запястье, обжигая кожу. Осторожнее, глухо произнес мужской голос над самым ухом. Егор.

Он стоял так близко, что Дарья оказалась зажата между

ним и металлической стойкой с пакетами. Отступить было некуда. Его широкая грудь почти касалась ее ключиц. Ткань его фланелевой рубахи была теплой он только что заходил с улицы, где начал накрапывать мелкий дождь. Но жар шел откуда-то изнутри. Тепло чужой груди ощущалось даже сквозь слои одежды, проникая сквозь тонкую ткань ее собственной блузы, заставляя соски напрячься от внезапного озноба.

Напугал, выдохнула она, пытаясь сохранить остатки достоинства и отступить хотя бы на шаг. Но стена стеллажей больно впивалась в лопатки. Сама под ноги не смотришь, он даже не попытался отстраниться. Наоборот, упер ладонь в полку прямо над ее головой, окончательно блокируя пути к бегству. Что матушка говорит? Небось, уши прожужжала про горькую долю? От него пахло дождем, мокрым сукном и тем самым табаком, который курили мужчины в их поселке терпким, тяжелым. Этот запах кружил голову сильнее любого столичного парфюма. Сердце пропустило удар, забившись где-то в самом горле. Воздуха в тесной лавке разом стало мало. Не твое дело, процедила Дарья, чувствуя, как предательский румянец заливает шею. Пропусти меня. Боишься? он чуть склонил голову, и свет тусклой лампы отразился в его темных глазах. Взгляд был тяжелым, изучающим. Никакой насмешки, лишь голый интерес хищника, оценивающего добычу. Правильно боишься. Я нынче человек опасный. Разведенный, с довеском. Куда уж мне в приличные семьи соваться.

Его слова были точным зеркалом материнских страхов, но сказанные низким, вибрирующим голосом, они приобретали совершенно иной смысл. Это была не констатация факта, а вызов. Или щит? Дарья подняла подбородок, встречая этот взгляд. Я никого не боюсь, Егор. Тем более тех, кто прячется за спину ребенка. Уголок его рта дернулся вверх. Он наконец выпрямился, разрывая их мучительную близость. Пространство между ними рухнуло обратно, став холодным и чужим. Он посторонился, пропуская ее к выходу.

Проходя мимо, Дарья задела рукавом его руку. Случайное прикосновение пальцев обожгло, словно крапива. Чтобы скрыть внезапную слабость в ногах, она ускорила шаг, толкнула плечом тяжелую входную дверь и выскочила под морозящий дождь.

Уже ступив на разбитый тротуар, она вспомнила деталь, которую мозг отметил машинально, спасаясь от перегрузки чувств. Когда он держал ее взглядом там, в проходе, опираясь рукой о полку, его левая кисть была раскрыта. На безымянном пальце, там, где десятилетиями лежит золотой ободок, кожа оставалась обманчиво светлой. Узкая полоска незагорелой плоти. Обручальная впадина. След снятого кольца.

Значит, рана еще свежа. Значит, он тоже носит внутри осколки разбитого быта. Эта мысль должна была принести облегчение или злорадство, но вместо этого отозвалась в груди тянущей, болезненной нежностью. Запрещенное чувство.

Опасное. Гибельное.

Дождь усилился, барабания по листьям старых лип. Дарья подставила лицо холодным каплям, пытаясь остудить пылающую кожу. Ей срочно нужно было домой, под замок, подальше от лесной сторожки, ключей и следов снятых колец. Подальше от человека, которому, судя по всему, сейчас было так же худо, как и ей самой.

Глава 3. Приказ директора

Утро выдалось промозглым. Низкие тучи цеплялись за шпиль старой водонапорной башни, грозя разразиться затяжным осенним дождем. Дарья куталась в воротник плаща, ускоряя шаг по главной площади городка. Она шла оплачивать счета за родительский дом и строго-настрого запретила себе сворачивать к лесной окраине. Два дня тишины после лавки пошли на пользу: пульс успокоился, руки перестали дрожать при воспоминании о его груди в опасной близости. Решение было принято до отъезда в столицу она носа не высунет дальше забора.

План рассыпался прахом у массивных дверей районного отдела образования. Дарья Николаевна! окликнул ее дребезжащий голос Марии Петровны, секретаря. К Ивану Сергеевичу, живо! У него там делегация из области, рвет и мечет. Дарья закатила глаза, но подчинилась. Спорить с Марией Петровной себе дороже, мигом выставит на улицу без пропуска.

Иван Сергеевич, директор школы, где преподавала Дарья (ее нынешняя ссылка вместо аспирантуры), мерил кабинет широкими шагами. Лицо цвета вареной свеклы гармонировало с алым галстуком. Явилась, беглянка! рыкнул он, едва она переступила порог. Садись и пиши. Заявление. На что? опешила Дарья, присаживаясь на краешек стула для посети-

телей. По собственному желанию! грохнул кулаком по столу директор. Или ты думаешь, я тут двуличный?! Сорок два ученика, выпускной класс! Завтра утром автобус уходит на маршрут «Вышний Волочек лесная сторожка». Десять дней автономного похода. Карты, костры, ориентирование. Старший вожатый Михалыч спину сорвал, слег в больницу. Второй день ищу замену, все рожи воротят!

Дарья похолодела. Школьный турслет был местной легендой и ежегодной каторгой. Две недели глухого леса, комаров, мокрых спальников и надзора за озверевшими от свободы подростками. Иван Сергеевич, я городской житель. Я палатку последний раз в музее видела. И у меня отчетность горит... Отчетность у нее! перебил он, нависая над столом всей своей массой. А надзор кто осуществлять будет? Родители бумагу подписали, дети ждут романтики. Мне трупы в лесу не нужны, Сергеева! Хочешь вылететь из конторы с волчьим билетом так и скажи. Только учти, я тебе такую характеристику напишу, что тебя даже полы мыть в столице не возьмут.

Это был шантаж. Грязный, неприкрытый административный нажим. Директор знал, что ей нужна чистая репутация для перевода обратно в Москву. Любое пятно и клеймо неблагонадежной обеспечено на годы вперед. Черт возьми, да за что мне это? Кто второй наставник? обреченно выдавила она, беря ручку. Пальцы предательски белели от напряжения. А вот это сюрприз, злорадно ухмыльнулся директор,

возвращаясь в свое кресло. Местный егерь согласился. Мужик надежный, лес знает как свои пять пальцев. Егор... как его там... Силантьев. Вы вроде знакомы?

Ручка выскользнула из ослабевших пальцев и со стуком упала на полированную столешницу. Звук показался оглушительным. Мир сузился до размеров этого кабинета. Воздух стал густым, тяжелым, им невозможно было дышать. В голове зашумело. Мы... мы не сработаемся, прошептала она пересохшими губами. Это приказ, Сергеева, отрезал директор, снимая трубку городского аппарата. Либо вы сейчас едете собирать снаряжение, либо пишете заявление. Время пошло.

Он демонстративно начал крутить диск набора. Дарья смотрела на вращающиеся цифры, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Покрыть себя позором перед матерью, которая только вчера пророчила ей крах карьеры? Дать соседям повод шептаться за спиной, что учительница сбежала от трудностей в кусты? Она медленно наклонилась, подняла ручку. Твердо вывела свою фамилию. Где расписаться за инвентарь? спросила она мертвым голосом.

Егора она нашла через час в конторе лесного хозяйства. Он сидел на подоконнике широкого окна, выходящего на задний двор, и правил оселком лезвие огромного охотничьего ножа. При виде Дарьи он неторопливо поднялся. Металл тихо прошелся по камню звук вызвал табун мурашек вдоль позвоночника.

Кабинет начальника встретил их запахом сырой шерсти, дегтя и крепкого мужского пота. За широким столом хмурый усатый мужчина протянул Дарье ведомость. Список имущества на вас двоих. Ответственность материальная. Потеряете котелок или компас вычит из жалованья. Вот карта маршрута, изучите вечером. Егерь отвечает за безопасность и провизию, вы за дисциплину детишек и учебный план. Вопросы есть? Вопросов была тысяча, главный из которых звучал как «За что вы так со мной?», но задать его значило признать поражение. Никак нет, ответила она деревянным языком.

Начальник кивнул, теряя к ним всякий интерес, и углубился в бумаги. Они вышли в тесный коридор конторы. Здесь пахло мышами и мастикой для пола. Егор прикрыл тяжелую дверь, отрезая их от шума печатных машинок. Теперь они стояли одни. Коридор был узким, плечи Егора занимали его почти целиком. Ему пришлось отступить к стене, чтобы пропустить Дарью, но места все равно не хватало.

Ну здравствуй еще раз, городская, произнес он вполголоса. Его дыхание коснулось пряди волос у ее виска. Значит, судьба нам вместе бродить. Не называй меня так, огрызнулась она, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. Взгляд метался по облупившейся зеленой краске стен. Это принудиловка. Директор поставил ультиматум. Я догадался, он усмехнулся одними уголками губ. Видел твою спину, когда ты из автобуса школьного вылезала. Красивая спина. Злая.

Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до неприличной. Теперь между ними оставалось не больше ладони. Дарья почувствовала себя запертой в ловушке. Впереди стена, позади жар чужого тела. Егор полез во внутренний карман штормовки. Достал сложенный вчетверо лист бумаги тот самый список снаряжения, заверенный печатью конторы. Бумага была чуть влажной по краям. Держи, сказал он, протягивая документ. Тут перечень того, что берем из склада. Проверь по пунктам, а то эти крысы канцелярские вечно норовят гниль подсунуть.

Их руки встретились над списком. Его ладонь широкая, жесткая мозоль на указательном пальце, тепло шершавой кожи накрыла ее тонкие, бледные пальцы, сжимающие край листа. Мир замер. Егор не убрал руку сразу. Он задержал их сцепленные кисти в воздухе. Большой палец Егора медленно, едва заметно погладил костяшку ее мизинца. Легкое, мимолетное движение, которое можно было бы списать на случайность или попытку перехватить бумагу удобнее. Но давления хватило, чтобы кожу обожгло огнем. По венам прокатилась горячая волна, ударившая прямо в низ живота. Сердце пропустило удар, а затем забилось часто-часто, отдаваясь пульсацией в горле. Воздуха вдруг стало мало в этом темном, пыльном коридоре.

Там в пункте семь указана палатка четырехместная, старая брезентуха, спокойно продолжил он, словно не замечая электрического разряда между ними. Я выбью новую, кар-

касную. В ней хоть спать можно, а не выживать. Встречаемся завтра в шесть утра у старого причала. Форма одежды походная.

Он наконец выпустил ее руку, разом разрушив чары. Развернулся и пошел в сторону лестницы, ведущей на склад. Его шаги были тихими, уверенными.

Дарья осталась стоять посреди коридора, прижимая злополучный список к груди, как щит. Ладонь горела в том месте, где ее коснулись его пальцы. Жар не проходил. Напротив, казалось, кожа впитала его тепло и теперь будет хранить этот отпечаток вечно.

Она вышла на крыльцо конторы, щурясь от внезапно выглянувшего тусклого солнца. Достала сигарету дурная столичная привычка, от которой здесь лучше избавиться, но зажигалка выпала из дрожащих рук. Две недели. Четырнадцать дней и ночей. В глухом лесу. Под одной крышей старой егерской сторожки. Без надзора матери, без городских стен, лицом к лицу с человеком, чей запах она чувствует даже сквозь закрытые веки.

Дарья глубоко вдохнула холодный воздух, пытаясь унять бешеный ритм сердца. Кажется, она совершила самую чудовищную ошибку в своей жизни. И самое страшное подписывая ту бумагу в кабинете директора, она знала, что отказаться просто не сможет. Потому что отказ означал бы, что она все еще бежит. А бежать ей давно надоело.

Глава 4. Сбор пожитков

Школьный склад напоминал пещеру сокровищ, в которую десятилетиями стаскивали ненужное барахло. Пахло пылью, нафталином и сухим брезентом. Под высокими сводами гуляло гулкое эхо. Егор двигался по этому лабиринту с уверенностью хозяина владений. Он безошибочно выдергивал из завалов нужные тюки, швыряя их на широкий деревянный стол посреди зала. Дарья же чувствовала себя здесь лишней городской сорняк среди суровой походной стали.

Рации берем две штуки, старые «Воки-токи», командовал он, не оборачиваясь. Батареи свежие я вставил. Компас Адрианова, советский, воду чует лучше этих ваших модных коробочек. Карта тысяча девятьсот восемьдесят девятого года? Дарья помахала перед его носом пожелтевшим листом. Масштаб плыл перед глазами от усталости. Егор, тут обозначены просеки, которых нет уже лет пятнадцать! Мы заведем детей в болото. Я эти тропы ногами мерил, пока ты теорию в классах зубрила, отрезал он, даже не подняв головы от укладки огромного станкового рюкзака. Моя карта тут, он постучал пальцем по своему лбу. А бумажка эта нужна для отчета директору, чтобы надзор за нами был формальный.

Их первая стычка случилась из-за аптечки. Дарья выложила на стол гору разноцветных блистеров: жаропонижающее, сорбенты, пластыри от мозолей, антисептик. Этого ма-

ло, Илья стоял рядом с отцом, внимательно следя за каждым движением Дарьи. Мальчик кутался в слишком большую для него штормовку, хотя в складе было душно. Нужен жгут. И шина. В прошлом году у физрука Саламатина нога подвернулась, так мы его на плащ-палатке тащили до самого шоссе. Илья дело говорит, кивнул Егор. Лес шуток не любит. Добавь перевязочных пакетов. И перекись. Много перекиси. У них нежная кожа, они себе колени собьют, а не ноги переломают! вспыхнула Дарья, раздраженная тем, что мальчишка оказался более сведущим. Это школьный турслет, а не штурм Эвереста! Это тайга, Сергеева, впервые за утро он посмотрел ей прямо в глаза. Темный, густой взгляд придавил к полу. Тут и шею свернуть на склоне раз плюнуть. Собирай как положено. Надзор за здоровьем на тебе.

Дарья стиснула зубы, но спорить дальше побоялась. Стыд обжег щеки. Она представила, как кто-то из подростков действительно травмируется, а она будет беспомощно хлопать ресницами со своими детскими пластырями с картинками. Пересев к столу, она начала заново перебирать бинты, стараясь не замечать, как близко стоит Егор. От него пахло сосновой смолой и холодным металлом.

Илья молча наблюдал за ней. В отличие от большинства городских детей, он не лез под руку, не задавал глупых вопросов и не ныл. Но его присутствие ощущалось физически тяжелый, недетский взор, которым он буравил то отца, то ее руки. Казалось, мальчик взвешивает каждый их жест

на невидимых весах. Когда Дарья потянулась за верхней коробкой мази на самой высокой полке, табурет под ней опасно качнулся. Нога соскользнула с перекладки. Тяжелый армейский котелок, который она держала в другой руке, выскользнул из ослабевших пальцев и с оглушительным лязгом рухнул на бетонный пол. Сама она полетела следом.

Время замедлилось. Она зажмурилась, ожидая удара копчиком о твердь, но удара не последовало. Вместо этого спину обожгло чужим теплом. Мощная, тяжелая ладонь Егора легла точно на поясницу, чуть ниже лопаток, намертво впечатывая ее тело в шершавую ткань своей штормовки. Вторая рука поймала ее предплечье, жестко фиксируя падение. Он принял весь вес на себя, сработав как живой противовес. Котелок откатился в сторону, подпрыгивая на ободке.

Они замерли в этой нелепой, интимной связке. Грудь Дарьи тяжело вздымалась, прижимаясь к его боку. Воздуха вдруг стало мало в просторном помещении склада. Сердце пропустило удар, забившись где-то в горле горячими толчками. Господи, только бы он не убрал руку. Эта мысль была такой внезапной и пугающей, что Дарья распахнула глаза. Жар чужой ладони сквозь тонкую кофточку прожигал кожу до костей. Толчок внизу живота отозвался тянущей слабостью в коленях.

Цела? хрипло спросил он над самым ухом. Его губы почти касались мочки ее уха. Она судорожно кивнула, не доверяя внезапно севшему голосу. Тогда слезай, он мягко, но непре-

клонно выпрямил ее, возвращая на твердую землю. Ладонь исчезла с поясницы так же быстро, как и появилась, оставив после себя фантомное тепло и звенящую пустоту.

Пока Дарья хватала ртом воздух, пытаясь вернуть лицу невозмутимое выражение, Илья шагнул вперед. Он поднял злополучный котелок, протер его рукавом и аккуратно поставил на край стола. Затем повернулся к отцу. Па, нам еще спальники проверить надо, сказал мальчик ровным голосом. Ты обещал показать узел проводника. Он смотрел прямо на Егора, но Дарья готова была поклясться, что ледяной выпад предназначался именно ей. «Теть Даш», произнес Илья. Слово прозвучало как ругательство. Вы аптечку не забудьте собрать правильно. А то если меня снова пчела укусит, мне прошлый раз супрастин не помог, только хуже стало. Нужно дексаметазон в ампулах брать.

Дарья почувствовала, как краска схлынула с лица. Десять минут назад она читала ему лекцию о безопасности, а этот ребенок одной фразой указал на ее полную профнепригодность. И сделал это при отце. Черт возьми, да он ревнует. Осознание ударило под дых. Замкнутый, взрослый не по годам мальчик просто защищал свою территорию. Отец вернулся в его жизнь, после тяжелого развода, и теперь какой-то чужой человек пытается вклиниться в их хрупкий мужской мир. Илья проверял ее на прочность. Искал изъян.

Спасибо за подсказку, Илья, тихо сказала она, глядя мальчику прямо в глаза. Без сюсюканья, ровно. Я перепишу спи-

сок лекарств. Если тебя кусали пчелы, нам действительно нужен противошоковый набор. Справишься помочь разобрать коробки вон там? Мальчик недоверчиво моргнул. Такого ответа он явно не ждал. Обычно женщины либо начинали лебезить, либо обиженно фыркали. Дарья сделала шаг к нему, вторгаясь в личное пространство, которое он так берег. Протянула моток бечевки: Держи. Свяжи эти пенки, а то рассыплются по багажнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.